

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 175–191. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

Aristov E. V., Ponkin I. V. *Budushchee sotsial'nosti gosudarstva i sotsial'nogo gosudarstva v kontekste tsifrovizatsii* [The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025. Issue 2(68). Pp. 175–191. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

УДК 342.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191

Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации

Е. В. Аристов

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
E-mail: welfarestate1@gmail.com

И. В. Понкин

Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
E-mail: i7@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2025

Введение: наличие в Конституции Российской Федерации и конституционном законодательстве зарубежных стран норм о социальном государстве и социальности государства позволяет сделать вывод об идеальном направлении государственной политики в данной сфере. Развитие различных информационных технологий в современном мире, безусловно, оказывает сейчас и окажет в будущем воздействие на все направления государственной политики. Поэтому важно понимать, каким образом данная новизна будет влиять на концепт социального государства, нужна ли она ему вообще. **Цель:** на основании изучения эволюции социального государства, различных подходов к определению его концепции, объема и содержания попытаться ответить на вопрос о том, нужна ли современному социальному государству цифровизация в различных ее проявлениях. **Методы:** методология исследования основана на авторских научно-правоведческих конституционно-правовых теориях социального государства и социальности государства, административно-правоведческой административно-правовой теории девиантологии государственного управления, а также базового научного концепта прогнозирования будущего в праве и комплексного масштабируемого и мультимодального инструментария предиктивной правовой аналитики. **Результаты:** рассмотренные научные материалы, нормативные акты позволяют говорить о том, что без цифровизации успешное развитие и существование современного социального государства невозможно. Задача любого современного социального государства состоит в минимизации влияния цифровых рисков на социальность государства. **Выводы:** проведенное исследование свидетельствует о невозможности отказа от социальной функции государства и основы его конституционного строя – социального государства. Задача цифровизации в рамках взаимоотношения с социальным государством состоит

© Аристов Е. В., Понкин И. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в предложении цифровых решений, позволяющих снизить риски в распределении различных благ, злоупотреблений в обращении с бюджетными средствами социального назначения и их нецелевого использования, сделать социальную политику государства рациональной.

Ключевые слова: социальность государства; социальное государство; цифровизация; Конституция России; бедность; нищета; блокчейн

The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization

E. V. Aristov

Perm State University
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
E-mail: welfarestate1@gmail.com

I. V. Ponkin

Institute of Public Administration and Management of
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
E-mail: i7@inbox.ru

Received 02 Mar 2025

Introduction: the presence of norms concerning the welfare state and the state's welfarism in the Constitution of the Russian Federation and in the constitutional legislation of foreign countries leads to a conclusion about the ideal trend of state policy in this area. The development of various information technologies in the modern world certainly affects and will further have an impact on all areas of government policy. Therefore, it is important to understand how this novelty will influence the concept of a welfare state and whether such a state needs such innovations at all. **Purpose:** based on the study into the evolution of the welfare state, various approaches to defining its concept, scope, and content, the paper attempts to answer the question of whether the modern welfare state needs digitalization in its various manifestations. **Methods:** the methodology of the research is based on the authors' scientific constitutional-legal theories of the welfare state and the state's welfarism, the administrative-legal theory of public administration deviance studies, as well as on the basic scientific concept of forecasting the future in law and a complex scalable multimodal array of tools used in predictive legal analytics. **Results:** the researched scientific sources, materials, and regulations suggest that successful development and existence of a modern welfare state is impossible without digitalization. The task of any modern welfare state is to minimize digital risks to state welfarism. **Conclusions:** the research undertaken shows the impossibility of abandoning the social function of the state and its constitutional basis – the welfare state. The task of digitalization in relation to a welfare state lies in proposing digital solutions that reduce the risks associated with the distribution of various benefits, with abuse of budgetary funds intended for social purposes, their misuse, as well as make the state's social policy reasonable and rational.

Keywords: state's welfarism; welfare state; digitalization; Russia's Constitution; poverty; indigence; blockchain

Введение

*Каково будущее социального государства?
Этот вопрос сегодня приобрел
беспрецедентную актуальность.
Деннис Дж. Сноуэр [28]*

Сегодня социальность государства стала привычной и кажущейся уже неотъемлемой чертой современного правового демократического государства, это своего рода общемировая государственная идентичность.

Гёста Эспинг-Андерсен еще более 30 лет назад писал: развитое государство всеобщего благосостояния – социальное государство, ставшее одной из отличительных черт «золотого века» послевоенного

процветания, – подразумевало, как концепт, нечто большее, чем простое усовершенствование существующей социальной политики в развитых индустриальных странах. В самом широком смысле концепт социального государства представлял собой попытку экономической, моральной и политической реконструкции. В экономическом плане концепт социального государства отходил от ортодоксальных представлений о чисто рыночных отношениях и требовал расширения гарантий дохода и занятости как права гражданства. Но существующие структурные сдвиги бросают вызов традиционному мышлению в области социальной политики. Хронически высокий уровень безработицы в Европе, как и рост неравенства и бедности в Северной Америке, является симптомом того,

что многие считают основной дилеммой в современных открытых экономиках: базовый компромисс между ростом занятости и щедрой эгалитарной социальной защитой. Большие социальные взносы и налоги, высокие и жесткие зарплаты и широкие права на трудоустройство делают наем дополнительных работников непомерно дорогим, а рынок труда – слишком негибким. В моральном плане концепт социального государства стремился защитить идеи социальной справедливости, солидарности и универсализма. Однако в современных глобально интегрированных открытых экономиках многие предположения, которыми руководствовались послевоенные государства всеобщего благосостояния в развитых индустриальных странах, похоже, уже не работают [12]. Европейские социальные государства всё чаще сталкиваются с серьезными проблемами реструктуризации занятости в связи с глобализацией и технико-логическими изменениями [11].

Несмотря на то что обеспечение долгосрочной устойчивости национальных систем социального обеспечения включено в створ видения в стратегическом планировании в рамках государственного управления большинства государств мира, тотально и перманентно уже несколько лет происходящие трансформации мировых порядков – что бы мы ни подразумевали под этим понятием и сколько бы мы их ни насчитывали в разных исследовательских системах координат, включая явно выраженные тенденции демондиализации (деглобализации и контрглобализации) и делиберализации, а также всё большее артикулирование «права сильного» на фоне мирового предельного финансового напряжения, – актуализируют значительное множество трудноразрешимых и пока малопонятных вопросов, в числе которых – будущее судьбы социальности государства.

Эволюция социальности государства и собственно социального государства осуществляется в весьма сложных социально-экономическом и правовом контекстах, едва ли заслуживающих атрибутирования им характеристики «благоприятный».

Позиции относительно будущего социального государства, например к 2050 году, сильно разнятся, при этом отчасти сводимы к пессимистическому сценарию недоверия, неплохо описанному Гунтрамом Вольфом и Пиа Хюттль [33]. Государство всеобщего благосостояния, согласно Элуа Лорану, предлагает адекватный ответ как на ужесточение глобализации, так и, полагаем, на ужесточение деглобализации [20]. Но всё это в условиях усложнения права само по себе приобретает всё более и более сложный и, как следствие, трудно прогнозируемый в динамике развития характер [2].

В любом случае дискуссии об устойчивости социального государства обретают ныне высшую степень актуальности, стяжают всё больше и больше внимания не только заинтересованных и референтных специалистов, но политиков.

Цифровизация (диджитализация) относится к процессу, в ходе которого субъект принимает или,

наоборот, расширяет использование цифровых/компьютерных технологий (также мобильных приложений). Чаще всего цифровые технологии внедряются с целью создания коммуникационной инфраструктуры, которая связывает разные виды деятельности в рамках различных процессов субъекта. Цифровизация и цифровая трансформация – два наиболее полезных/значимых термина для объяснения изменений и влияния, которое цифровые технологии оказали на общество в целом [19]. И всё это тоже весьма существенно влияет на будущее социального государства, предопределяет его.

Этим вопросам в глубоком и многостороннем предиктивном (прогностическом) конституционно-правоведческом осмыслении и изложении и посвящена настоящая статья.

Методология исследований, лишь частично положенных в своей резольтивной части в настоящую статью, основана:

– на авторской научно-правоведческой конституционно-правовой теории социального государства и социальности государства одного из авторов настоящей статьи (Е. В. Аристова) и его же базового научного концепта прогнозирования будущего в праве, раскрытых в соответствующих его публикациях;

– авторской научно-правоведческой административно-правовой и конституционно-правовой теории девиантологии государственного управления другого автора настоящей статьи (И. В. Понкина), его же авторского концепта цифрового государства и его же комплексного масштабируемого и мультимодального инструментария предиктивной правовой аналитики, раскрытых в соответствующих его публикациях.

Общее понятие социального государства

Государство всеобщего благосостояния – самый эффективный институт, созданный за всю долгую историю человеческого сотрудничества. Отказ от социальности государства в результате следования близоруким идеологическим предрассудкам лишает нас нашего самого полезного общего блага и парализует саму суть нашего социального процветания.

Элуа Лоран [20]

Термин «социальное государство», согласно Джонатану МакКалли, – это общий и иногда спорный термин, используемый для описания политики, программ и практики, направленных на обеспечение социальной защиты людей. Это один из основных аспектов современного правительства, и в конечном итоге он направлен на благо каждого члена общества. Дезинформация, мифы и недоразумения, связанные с этим термином, привели к тому, что он стал применяться в узком смысле для описания тех аспектов социальной защиты, которые вызывают политические споры и пользуются наименьшей популярностью (например, «подачки», «иждивенчество», «дотации» и т. д.). В действительности она

включает в себя широкий спектр мероприятий и мер, составляющих «сеть социальной защиты», которая позволяет всем людям пользоваться минимальными стандартами здоровья, социального благополучия и экономической безопасности [22].

Многими исследователями социального государства справедливо признается, что классическое (при этом достаточно релевантное, концептоемкое) определение социального государства было впервые дано в 1961 году уже упоминавшимся нами выше британским социальным историком Эйзой Бриггсом и звучало оно так (считаем обоснованным привести достаточно обширную цитату из этого классика):

«Социальное государство – это государство, в котором организованная власть целенаправленно задействуется (через политику и административный ресурс) в стремлении влиять на игру рыночных сил, по крайней мере, в трёх направлениях – во-первых, гарантируя отдельным людям и семьям минимальный доход независимо от рыночной стоимости их труда или их собственности; во-вторых, сужая степень незащищённости, позволяя отдельным людям и семьям преодолевать определённые “социальные непредвиденные обстоятельства” (например, болезнь, старость и безработицу), которые в противном случае приводят к индивидуальным и семейным кризисам; и в-третьих, обеспечивая всем гражданам без различия статуса или класса наилучшие стандарты, доступные в отношении определенного согласованного набора социальных услуг. Первая и вторая из этих целей могут быть достигнуты, по крайней мере частично, с помощью того, что раньше называлось “государством социального обслуживания”, – государства, в котором общественные ресурсы используются для борьбы с бедностью и помощи тем, кто попал в беду. Третья цель, однако, выходит за рамки целей “государства социального обслуживания”. Она привносит идею “оптимума”, а не старую идею “минимума”. Она связана не просто с уменьшением классовых различий или удовлетворением нужд отдельных групп населения, а с равенством обращения и чаяниями граждан как избирателей, обладающих равной долей избирательной власти. Простое определение лексической конструкции “социальное государство” таким образом указывает на ряд исторических соображений. Во-первых, концепция “рыночных сил” вписывает проблемы “социального государства” (и социальности государства) в контекст эпохи современной политической экономики. Во-вторых, на концепцию “социальных случайностей” сильно повлиял опыт индустриализма. Болезни, старость и смерть влекут за собой тяготы в любом обществе... Однако безработица, по крайней мере в той форме, в которой она мыслится как социальная случайность, является продуктом индустриальных обществ, и именно безработица, как никакая другая социальная случайность, определила форму и время действия современного законодательства о социальности... В-третьих, идея использования

организованной власти (через политику и административный ресурс) для определения структуры социального обеспечения требует тщательной исторической датировки. Возможность использования государственной власти в каждой стране зависит от баланса экономических и социальных сил; оценки надлежащих функций и, правда или нет, имеющихся ресурсов государства; эффективных методов влияния и контроля, опирающихся на знания (в том числе экспертные); и, не в последнюю очередь, от распространённости (или отсутствия) убеждения, что общество может быть сформировано с помощью сознательной политики, направленной на устранение злоупотреблений, которые в предыдущих поколениях принимались как “неизбежные” черты человеческого состояния» [7].

И едва ли можно согласиться с оценкой Хейкки Эрвасти, Йоргена Гоула Андерсена и Кристена Рингдала, что, при соответствии современным исследовательским интересам, это определение Эйзы Бриггса «довольно устарело» [11]. Основной концепт социальности государства вполне остался сходным с этой интерпретацией.

Впрочем, сегодня понятие, цели или структура социального государства не поддаются конкретному универсальному всеобъемлющему определению. Однако его основная цель – помочь правительствам примирить часто конкурирующие и даже контroversивные динамические онтологии рыночной экономики, справедливости и демократии [5]. Множество определений в рамках многочисленных моделей понимания и правовой интерпретации социальности государства и социального государства детализированно приведено и прокомментировано в трудах одного из авторов настоящей статьи. И это можно считать вполне надежным теоретическим базисом для продолжения наших изысканий в рамках настоящей статьи.

История вопроса: некоторые ремарки

Если мы о чём-нибудь не знаем, как оно образовалось, то и не понимаем его.

Август Шлейхер [2]

Словосочетание «социальное государство» (иначе – государство всеобщего благоденствия, государство всеобщего благоденствия, в разных интерпретациях; англ. *welfare state*; фр. *État providence*) появилось, как отмечает Эйза Бриггс, в 1940-е годы. Впервые оно было использовано для описания лейбористской Великобритании после 1945 года. Из Британии фраза распространилась по всему миру. Его свободно использовали, как правило, не только политики и журналисты, по отношению к различным обществам, находящимся на разных этапах развития. Историки почти сразу же взяли фразу на вооружение. Были даже предприняты попытки переписать историю XIX и XX веков, особенно британскую, в терминах

«возникновения» и «развития» социального государства [7, р. 221].

Государство всеобщего благосостояния в том виде, в котором мы его знаем, указывают Энтони Ларссон и Робин Тейгланд, существует уже около 100–150 лет. Хотя некоторые авторы утверждают, что первое государство всеобщего благосостояния появилось в исламском халифате при Умаре (584–644), в современной концепции оно существовало лишь в конце XIX века в имперской Германии (1871–1918) при канцлере Отто фон Бисмарке, когда он создал законодательство о социальном обеспечении, распространившее привилегии некоторых знатных социальных слоев на простых немцев [11, р. 1].

Как раз в немецкой историографии и артикулируется, что рождение концепта социального государства в конце XIX века совпало с принятием закона о несчастных случаях на производстве в качестве уступки, предоставленной канцлером Бисмарком немецкой рабочей силе, искушаемой коммунизмом [20, р. 20]. Французы приведут свои даты и сюжеты, итальянцы – свои. Приблизительно в конце XIX века начался виток активной трансформации государственного строительства в сторону установления и повышения социальности. При этом государства всеобщего благосостояния в Европе не были результатом грандиозного плана, а возникли постепенно благодаря множеству законов и постановлений, как мелких, так и крупных, которые способствовали повышению благосостояния населения [11, р. 8].

Эволюция социального государства – не линейная и не размеренно-последовательная, но сопряженная на своих траекториях со множеством конфликтов и потенциальных петель гистерезиса

Будущее государства всеобщего благосостояния зависит от множества социально-экономических, политических, культурных факторов.

В любых экономических условиях политика социальности государства, как пишут Хейкки Эрвасти, Йорген Гоул Андерсен и Кристен Рингдал, должна опираться на отношение, предпочтения и готовность обычных людей поддерживать механизмы социального обеспечения. Помимо того что поддержка социального государства зависит от времени и пространства, она всё чаще признается многомерной. Это не просто вопрос «за» или «против» социального государства, и поэтому надлежит говорить о различных его аспектах и о множестве таких. Вот лишь некоторые из них: существуют различные области политики; есть вопросы масштаба и дизайна систем социального обеспечения; есть вопросы их эффективности. Существуют даже позитивные и негативные аспекты отношения к политике благосостояния. Всё это означает, что изучение отношения к государству благосостояния должно включать в себя как восприятие коллективных проблем политики, так и восприятие

индивидуальных рисков, поскольку они составляют часть фундамента, на котором формируется отношение [11, р. 2].

Считается, что социальное государство (иначе – государство всеобщего благосостояния) неоднократно переживало кризис с тех пор, как оно было названо золотым периодом своего развития с 1960 года до первого нефтяного кризиса в начале 1970-х годов. Социальные государства были перекалиброваны, перестроены, демонтированы, реструктурированы – и многие другие слова использовались для описания различных типов изменений в том, что и как государства благосостояния финансируют и предоставляют социальные услуги в натуральной и денежной форме. То, как менялся и постоянно меняется баланс между государством, рынком и гражданским обществом, также постоянно остается открытым для изучения. Однако кажется, что, с одной стороны, многочисленные и разнообразные постепенные изменения в государствах благосостояния следуют историческому пути (например, существует определенная зависимость от пути), а с другой стороны – государства благосостояния меняются таким образом, что они уже не являются тем же типом и моделью, что были раньше [15, р. 525].

В наше время существенно усилились доходящие до конфликтов рассогласованности между социальным обеспечением и справедливым социальным перераспределением, а также обострилась проблема неэффективности социальных расходов. Недавнее обнародование Илоном Маском сведений о злоупотреблениях в североамериканской системе социального страхования (когда выявились расходы на многие и многие миллионы людей, якобы в возрасте далеко за 120 лет), шутка это была или нет, отражает реалии, когда социальное обеспечение не позволяет законопослушным гражданам вырваться из нищеты, но зато на злоупотреблениях преступниками легко поднимаются немалые суммы. В это поле вполне укладываются недавние возбуждённые уголовные дела по поводу «аттракциона неслыханной щедрости» с незаконной раздачей квартир в подарок в одном из городов Московской области.

Немало говорится о том, что социальность государства тормозит экономическое развитие страны. Впрочем, по словам Элуа Лорана, научные исследования в области экономики не подтверждают идею о том, что государство всеобщего благосостояния наносит ущерб экономической эффективности, оказывая серьезное дестимулирующее воздействие на работу, накопление капитала и производство [20].

Переосмысление и более сфокусированная кристаллизация понимания того, кто заслуживает и кто не заслуживает различных видов и типов пособий, каковы границы усмотрения чиновника в этих вопросах, кого именно мы хотим социально простимулировать и поддержать в нашей стране – наши народы России или неограниченный круг «пришлого кого угодно», крайне важны сегодня, от этого будет зависеть та

модель социального государства в России, куда эволюционно-конвертирующе движется текущая, вполне себе аморфная и мало кого устраивающая, модель социального государства (вспомним хотя бы задачи, ставящиеся Президентом России по снижению масштабов бедствия под названием «бедность» в нашей стране). Тем более это важно в условиях старения населения – неблагоприятных ожидаемых демографических изменений, когда число пожилых людей возрастает в сравнении с теми, кто активен на рынке труда.

Социальность государства – это не только задача денег объективно остро нуждающимся, это и более широкий взгляд на социальность. Элой Лоран приводит дату 1306 года, когда король Англии Эдуард I попытался запретить использование угля в Лондоне по соображениям безопасности для здоровья из-за густого облака сернистого загрязнения, окутавшего город [20].

Если мы будем рассматривать аттрактивным центром социальности государства человеческое отношение и заботу государства о человеке, то мы сможем лучше – на более далекие отложенные горизонты событий и более достоверно – увидеть будущее социальности государства.

Но и в этом случае мы сталкиваемся со множеством контрверсий (противоречий, противодействий) самых разных гипотез.

Согласно Мигелю Глатцеру и Дитриху Рюшмейеру, дискуссия о глобализации и будущем государств всеобщего благосостояния формируется двумя широкими конкурирующими гипотезами, которые были названы гипотезами эффективности и гипотезами компенсации. Действительно ли эти конкурирующие утверждения противоречат друг другу или же они могут быть совместимы друг с другом, справедливы при одних, а не при других условиях? Чтобы начать отвечать на этот вопрос, полезно рассмотреть причинные механизмы – более конкретные гипотезы, на которые претендует каждая из основных гипотез. Гипотеза компенсации указывает на дислокации и напряженность, возникающие в результате участия в рынке, который не подвластен большинству национальных правительств. Однако помимо указания на политику как на вероятный ответ на вывихи, напряжённость и конфликты, эта точка зрения оставляет открытым вопрос о том, как проблемы предвидятся или становятся политически заметными после их возникновения; насколько сильны политические силы, реагирующие на них; какая политика будет предложена, принята и реализована; и даже будут ли какие-либо ответы. Гипотеза эффективности утверждает, что экономическая глобализация оказывает сильное понижательное давление на политику социального обеспечения посредством различных механизмов. Первый аргумент, как уже упоминалось, заключается в том, что торговая конкуренция оказывает давление на социальные расходы, которые увеличивают затраты и делают

продукцию менее конкурентоспособной на международных рынках. Снижение транспортных расходов и распространение технологий привели к появлению низкооплачиваемых конкурентов в развивающихся странах. Таким образом, глобализация запускает нисходящие спирали социального обеспечения, поскольку страны конкурируют друг с другом не за счет повышения квалификации и развития инфраструктуры (что требует времени и ресурсов), а за счет снижения налоговых ставок и социальных льгот [14].

Глобализация, личные риски и потребности – факторы, влияющие на социальное государство

У граждан есть разные причины поддерживать всеобъемлющие механизмы государственного благосостояния, однако можно выявить некоторые устойчивые закономерности. Одна из составляющих системного элемента поддержки государства всеобщего благосостояния связана с тем, получают ли люди в первую очередь выгоду от финансирования государственного социального обеспечения или вносят в него свой вклад, причем особенно активно поддерживают государственное социальное обеспечение работники с низким уровнем дохода и низкой квалификацией. Большое количество исследований подтверждает это в отношении поддержки государственного перераспределения доходов [10].

В последних исследованиях внимание было перенесено с важности предшествующей экономической ситуации на важность убеждений относительно изменений в доходах. В соответствии с этим объективный риск потери дохода, по-видимому, определяет предпочтения в отношении государственного перераспределения доходов [25]. В одном из разделов этих источников подчеркивается, что убеждения об увеличении доходов заставляют некоторых нынешних бенефициаров общих механизмов социального обеспечения менее активно поддерживать эти механизмы, поскольку они ожидают, что в будущем станут чистыми вкладчиками, и/или рассматривают широкую деятельность государства как препятствие для собственной мобильности [3]. Это свидетельствует о том, как объективные и воспринимаемые риски потери будущих доходов связаны с предпочтениями в отношении государства всеобщего благосостояния. Мы дополняем данные знания, выходя за рамки предпочтений в отношении перераспределения и исследуя, как объективные и субъективные риски потери дохода связаны с предпочтениями в отношении масштабов государства всеобщего благосостояния и дизайна. Выходя за рамки предпочтений в отношении перераспределения, мы фиксируем, как риски влияют на предпочтения в отношении социального страхования, исследуем дизайн, чтобы выяснить, будут ли люди, подверженные риску, с большей вероятностью требовать прогрессивного дизайна социальных пособий, а также подоходного налогообложения.

Нам неизвестно ни одного исследования, посвященного последнему, и мы считаем это важным, учитывая, что разработка программ ближе к реальным политическим дискуссиям, чем более абстрактные вопросы объема перераспределения доходов, которые чаще всего использовались в предыдущих исследованиях. На самом деле, в ряде европейских стран правительства усиливают страховую принцип социальных пособий [9]. Мы считаем правдоподобным, что характеристики на уровне страны будут влиять на предпочтения граждан в отношении государства всеобщего благосостояния, а также потенциально оказывать воздействие на личный риск и на предпочтения. В частности, предполагаем, что влияние личного риска может зависеть от ВВП на душу населения и уровня неравенства доходов: личный риск будет иметь большее значение для предпочтений в отношении дизайна и масштабов в более бедных странах и странах с более высоким уровнем неравенства доходов просто потому, что последствия потери дохода потенциально более суровы. Для учета эффектов как на уровне страны, так и на уровне индивида мы используем многоуровневые модели, основанные на данных Европейского социального исследования 2008 года.

Социально-экономическое положение человека имеет важное значение для его предпочтений в отношении общественного благосостояния. Большое количество исследований показало, что преобладающая экономическая ситуация, ситуация с занятостью и уровень/тип человеческого капитала являются важными детерминантами поддержки индивидом общественной ответственности в области экономического благосостояния [10]. В последнее время в сравнительных исследованиях стали отделять влияние преобладающей экономической ситуации и ситуации в сфере занятости от влияния объективных и субъективных переменных, измеряющих личные риски потери дохода. Преобладающая экономическая ситуация и ситуация в сфере занятости сильно коррелируют с личным риском потери дохода [10]. Однако теоретически они отличаются друг от друга. Если граждане заботятся исключительно о своем преобладающем доходе, мы должны ожидать идеальную взаимосвязь между доходом и предпочтениями в отношении общественного благосостояния. Бедные будут за, богатые – против. Если, что более разумно, люди также заботятся о будущей экономической ситуации, то некоторые небедные люди будут поддерживать меры общественного благосостояния, поскольку их будущая экономическая ситуация неопределенна [24]. Однако в какой степени люди не склонны к риску, способны оценивать риск потери будущих доходов и дисконтировать будущее и как риск потери доходов влияет на предпочтения, помимо требования «больше правительства», в значительной степени неизвестно.

В литературе, посвященной политической экономике, основное внимание уделяется объективным

рискам потери дохода. Эти исследования начинаются с позиции рационального выбора, когда люди умеренно склонны к риску, понимают и заботятся о своих будущих доходах. Большая часть данных исследований включает разработку гипотез о предпочтениях государства благосостояния занятых людей, вытекающих из характеристик их занятости. Очевидно, что личные риски, имеющие отношение к предпочтениям государства благосостояния, зависят не только от профессии и ситуации занятости человека.

В социологических исследованиях иногда проводят различие между «старыми» и «новыми» социальными рисками, где первые ассоциируются с индустриальным обществом, а вторые – с рисками, связанными с переходом к постиндустриальному обществу (в частности, с изменениями в семейном укладе и более быстрыми технологическими изменениями, которые предполагают необходимость постоянного повышения квалификации работников) [30]. Хотя наш основной интерес заключается в важности риска потери дохода, связанного с работой, выбор нами контрольных переменных обусловлен исследованиями о новых социальных рисках.

В работе П. Рема представлен прекрасный обзор литературы, посвященной рискам, связанным с характеристиками занятости работников, где он проводит различие между аргументами и мерами, основанными на классификации отраслей и профессий [25]. Одно из направлений исследований подчеркивает риски, создаваемые экономикой, открытой для торговли. В труде, посвященном компенсациям в торговле, утверждается, что открытые экономики имеют большие государства благосостояния, поскольку работники требуют защиты доходов в качестве компенсации за уязвимость доходов, связанную с открытой экономикой [8; 26]. Таким образом, работники секторов, открытых для торговли, должны быть более благосклонны к общественному благосостоянию, чем работники защищенных секторов. Хотя гипотеза о компенсациях в торговле использовалась для объяснения того, почему страны с более открытой экономикой имеют более крупные государства благосостояния, эмпирические проверки гипотезы на индивидуальном уровне до недавнего времени игнорировались. П. Рем на основе кодов респондентов в промышленной классификации (NACE) в сочетании со статистикой рабочей силы ОЭСР определил, работают ли респонденты в секторе, открытом для торговли, и имеет ли этот сектор сравнительные преимущества [25]. Исходя из гипотезы о компенсации торговли, следует ожидать, что работники секторов, открытых для торговли, будут более благосклонны к государству всеобщего благосостояния. Однако П. Рем не нашел поддержки гипотезе о компенсациях в торговле [25]. Более того, он обнаружил, что ни одна из переменных, полученных из промышленной классификации, включая уровень безработицы отраслях, не влияет на предпочтения в отношении перераспределения.

Основным вкладом П. Рема стал вывод о том, что подверженность риску на профессиональном уровне имеет значение для предпочтений в отношении перераспределения [25]. Основным аргументом в пользу этого было то, что смена профессии является более сложной и потенциально вредной для человека, чем смена отрасли. Смена профессии часто требует периодов подготовки и обучения. Поэтому подверженность риску на уровне профессии важнее, чем подверженность риску на уровне отрасли. В своем анализе П. Рем включил две переменные, измеряющие подверженность профессиональным рискам: риск безработицы, измеряемый уровнем безработицы по двузначным профессиональным кодам ISCO-88, и специфику навыков (также полученную из профессиональных кодов) [25].

Аргумент о важности специфики навыков был развит Иверсеном и Соскисом [17]. Они утверждали, что тип человеческого капитала, которым обладает человек, определяет его предпочтения в отношении политики государства всеобщего благосостояния. Они различают навыки, характерные для конкретной фирмы или профессии, и навыки, переносимые между фирмами. Чем больше формального или неформального обучения на рабочем месте, необходимого для выполнения работы, тем больше появляется у них специфических навыков, выгодных для фирмы [17]. Чтобы инвестировать в навыки, специфические для конкретной фирмы, работники нуждаются в более высоком уровне защиты рабочего места и требуют более щедрой защиты доходов, чем работники с переносимыми навыками. Последнее объясняется тем, что если работники, обладающие специфическими для конкретной фирмы навыками, потеряют работу, они, скорее всего, столкнутся с более длительным периодом безработицы из-за более низкого спроса на их навыки. Иверсен и Соскис представили эмпирические данные Международной программы социальных обследований (ISSP), подтверждающие это утверждение [18].

Взаимосвязь между открытостью торговли, предпочтениями государства благосостояния и политикой государства благосостояния является частью более общей дискуссии о взаимосвязи между глобализацией и государством благосостояния. Уолтер и Мадуз, пытаясь оценить влияние экономической глобализации на предпочтения в социальной политике, объединили две модели из литературы по политической экономии, чтобы определить победителей и проигравших от глобализации [32]. Отраслевая модель предполагает, что люди, занятые в секторах со сравнительными преимуществами, выиграют от глобализации, в то время как работники неблагоприятных секторов окажутся в проигрыше. Факториальная модель предполагает, что от глобализации выиграют те, кто обладает большим количеством факторов производства. В Европе в большинстве стран богатыми факторами производства являются капитал и высокообразованная рабочая сила.

Это означает, что высокообразованные люди выиграют от глобализации, тогда как низкоквалифицированные окажутся в проигрыше. Объединив две модели, Уолтер и Мадуз предсказали, что победителями глобализации станут высококвалифицированные специалисты, занятые в профессиях, подверженных влиянию оффшоров, а проигравшими – низкоквалифицированные работники, занятые в профессиях, которые потенциально могут быть перемещены за границу. Они классифицировали «оффшорность» каждой профессии по шкале от 0 до 3, где на одном конце шкалы находится работа, которую нужно выполнять на определенном рабочем месте в соответствующей стране (например, парикмахерская), а на другом – работа, которую можно выполнять практически везде (например, программирование данных). Используя эту классификацию, они обнаружили, что проигравшие в глобализации значительно чаще поддерживают перераспределение доходов, чем победители глобализации. Как уже говорилось выше, личные риски потери дохода связаны не только с отраслями и профессиями и могут быть не вполне увязаны с объективными обстоятельствами. Данные ESS включают ряд вопросов, в которых респондентов просят оценить свои будущие риски безработицы и потери дохода. Это позволит нам оценить важность восприятия личного риска для предпочтений государства благосостояния. Является ли восприятие рисков только отражением объективных рисков, связанных с занятостью, или же оно вносит самостоятельный вклад в предпочтения государства благосостояния?

Хотя основное внимание мы уделяем важности объективного измерения рисков, связанных с занятостью, это не означает, что нами не признается важность рисков, возникающих в других областях. Профессия и экономический сектор – это один из трех уровней, на которых может быть вызван риск потери дохода, остальные – это индивидуальный уровень и уровень страны. На индивидуальном уровне текущий доход и уровень образования, безусловно, важны; кроме того, значимыми выступают гендерные различия, связанные с семейными обязательствами, общие семейные обязательства, риск проблем со здоровьем, связанный с жизненной позицией и семейной ситуацией (например, преимущества масштаба от жизни с партнером), потери дохода и/или предпочтения государства социального обеспечения.

На уровне страны несколько переменных могут влиять не только на предпочтения индивидов в отношении государства всеобщего благосостояния, но и на силу связи между рисками и предпочтениями государства всеобщего благосостояния. Возможно, наиболее важным является уровень безработицы.

Блекесон показал, что низкий уровень занятости связан с большей поддержкой ответственности правительства [6]. Более того, уровень профессиональной безработицы внутри страны коррелирует с

общим уровнем безработицы в стране. Уровень ВВП на душу населения важен для способности страны расширять свое государство всеобщего благосостояния, и избиратели могут принимать это во внимание при формировании своих предпочтений.

Уровень неравенства доходов является потенциально важным фактором. Как богатство, измеряемое ВВП на душу населения, так и уровень неравенства доходов коррелирует с текущим благосостоянием и поэтому также может влиять на отношение к государству всеобщего благосостояния. Что касается межуровневых взаимодействий, мы предполагаем, что связь между риском и предпочтением щедрых мер государственного социального обеспечения будет сильнее в более бедных странах и странах с более высоким уровнем неравенства доходов просто потому, что потери статуса в случае мобильности доходов вниз относительно больше в более не равных с точки зрения доходов странах и сильнее в бедных, чем в богатых.

В рассмотренных выше исследованиях оценивается важность риска для предпочтений в отношении перераспределения. И Рем, и Уолтер и Мадуз прямо признали слабость сведения предпочтений государства всеобщего благосостояния только к вопросу о перераспределении доходов [25; 31]. П. Рем обосновал это тем, что большинство механизмов социального страхования имеют перераспределительные последствия [25]. Мы согласны с этим, но тем не менее считаем, что эмпирическая поддержка их аргументов усилится, если окажется, что риск потери дохода связан с поддержкой более широкого охвата государства всеобщего благосостояния и прогрессивности схем страхования от безработицы, пенсионных схем и подоходного налогообложения.

На основании указанного выше можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, межнациональные различия в поддержке государства всеобщего благосостояния имеют разные измерения, и эти измерения удивительно слабо коррелируют между собой. Различие между поддержкой социального страхования и поддержкой перераспределения доходов давно признано в теории, а в последнее время – и в эмпирических исследованиях. Вывод о том, что поддержка широкой государственной ответственности за социальное страхование на уровне страны не коррелирует с поддержкой более прогрессивной системы социального страхования, подтверждает это различие. Однако на индивидуальном уровне переменные, которые значимо коррелируют с поддержкой государственной ответственности за социальное страхование, в целом совпадают с теми, которые значимо коррелируют с более прогрессивной системой социального страхования. Предположительно, это влечет сильную корреляцию между текущим доходом и ситуацией с занятостью индивида и риском потери дохода в будущем [10].

Во-вторых, наши результаты убедительно подтверждают, что респондентам всегда следует

напоминать о том, что увеличение объема социальных выплат сопряжено с определенными издержками, поскольку поддержка увеличения социальных расходов существенно снижается, когда респонденты знают о необходимости пойти на повышение налогов ради увеличения социальных расходов. Это сравнимо с часто подавляющей поддержкой, которая обычно наблюдается, когда респондентов просто спрашивают, хотят ли они увеличения государственных расходов на социальное обеспечение.

Переходя к выводам и последствиям для теоретических аргументов, мы не обнаружили никаких доказательств гипотезы компенсации, то есть того, что люди, подверженные большему риску из-за занятости в секторе или профессии, открытой для торговли, более привержены государству благосостояния. Мы также не обнаружили, что занятость в секторе со сравнительными преимуществами имеет значение для предпочтений государства всеобщего благосостояния. Последняя переменная риска, связанная с глобализацией экономики, – показатель Уолтера и Мадуза, определяющий, насколько вероятно, что ваше рабочее место будет переведено за границу, – в наших результатах не связана с установками в пользу социального обеспечения [32]. Однако те, кто занят в государственном секторе, в большей степени поддерживают общественное благосостояние.

Мы также находим удивительно слабую поддержку широко цитируемого утверждения Иверсена и Соскиса о том, что наличие навыков, характерных для конкретной фирмы, имеет важное значение для предпочтений государства всеобщего благосостояния [17]. Наконец, мы считаем, что уровень безработицы в профессиональной сфере связан с предпочтениями в пользу государства всеобщего благосостояния [17].

Неудивительно, что субъективный риск потери дохода сильнее связан с поддержкой государства всеобщего благосостояния, в частности с прямым измерением риска экономических проблем. Кроме того, субъективный риск явно определяется не только объективными переменными риска. Думается, что те, кто выражает высокий уровень риска, с большей вероятностью будут требовать широкой государственной ответственности и более прогрессивной системы социального страхования. Однако они с меньшей вероятностью поддержат повышение налогов для увеличения пособий.

Нелинейное динамическое управление социальностью государства

Современные системы социального обеспечения тотально характеризуются низкой эффективностью и непрозрачностью, подверженностью злоупотреблениям и бюрократической волоките, объективно плохо выполняют свое предназначение. Внедрение цифровых решений в этой сфере тоже пока не позволяет достичь хотя бы минимальной полезности,

тем более что немалая часть населения по-прежнему остается вне понимания и пользования цифровыми технологиями. Но надо иметь в виду, что, как писал Роберт Мёртон, «самоисполняющееся пророчество, когда страхи воплощаются в реальность, действует только в отсутствие целенаправленного институционального контроля» [23, р. 210]. И нам вполне по силам управлять потоками событий и полями ситуаций, были бы необходимые желание и усердие.

Правительства многих государств – правовых, с развитой рыночной экономикой, с потенциалом прорывного инновационного развития и потенциалом технологического превосходства в том или ином направлении или линейке направлений – уже весьма и весьма длительное время демонстрируют свою неспособность (не нежелание, ибо себе дороже провоцировать революции) справиться с проблемой выраженной бедности и крайней ее формы – нищеты. Между тем основной интегральный продукт, который производит социальность государства, – это именно отсутствие бедности (или по крайней мере максимально возможно достижимый уровень ее редуцированности, аллевиации), причем у разных формаций государств – социалистического и капиталистического – различные подходы, но цель эта постулируется и артикулируется в любом случае.

И здесь нет никаких универсальных решений. Публичное управление социальностью государства всегда нелинейно, нередко подлежит осуществлению в нечеткой логике, поскольку это всегда управление в динамике противоречиями и компромиссами. Оперирование установками, параметрами социальности государства можно образно сравнить с огромным пультом эквалайзера, когда вы динамически выставляете необходимые уровни управляющих сигналов тонкой ручной настройки.

Согласно Бенту Гриву, основная проблема государства всеобщего благосостояния заключается в том, что для удовлетворения ряда потребностей часто требуются мероприятия и различные виды поддержки со стороны государства. Однако при принятии решения о том, кого поддерживать, а кого нет, с их претензиями на получение пособий в натуральной или денежной форме, ответить на этот вопрос сложнее. Это связано не только с тем, что у нас, как у людей, разные предпочтения, но и с тем, что место и образ жизни могут вызывать различия в потребностях, которые необходимо удовлетворять. Поэтому следует более точно знать, что на самом деле необходимо и, учитывая ограниченность ресурсов, как государство всеобщего благосостояния должно решать, что поддерживать, а что нет [16]. Согласно Деннису Сноуэру, меры социальности государства всеобщего благосостояния, направленные непосредственно на бедные слои населения, неизбежно приводят к перекосам. Но при выборе из всех возможных видов перераспределительной политики такого рода следует руководствоваться двумя общими критериями: 1) перераспределительная политика,

способствующая росту занятости и производства, в целом предпочтительнее той, которая просто переводит доходы от богатых к бедным; 2) антициклические стимулы для непривилегированных социально-экономических групп, как правило, предпочтительнее тех, которые не выполняют функцию автоматического стабилизатора. Первое требование очевидно, поскольку повышение уровня жизни бедных слоев населения за счет занятости создает товары и услуги и одновременно устраняет пагубные психологические и социологические последствия безработицы. Второе требование важно, поскольку оно защищает от неэффективности и инфляционных последствий, возникающих, когда деятельность государства вытесняет деятельность частного сектора [28].

Концепты цифрового благосостояния и цифрового социального государства

Бедность и уязвимость сводятся к проблемам, которые можно решать и исправлять с помощью технологических инноваций.
Джонатан МакКалли [22]

Повышенная доступность и индивидуализация – два наиболее распространенных требования потребителей в наши дни [19]. И «цифра» как нельзя лучше подходит для обеспечения этих потребностей.

Введены в оборот и становятся всё более значимыми термины «цифровое благосостояние» (англ. *digital welfare*) и «цифровое социальное государство» (англ. *digital welfare state*).

Термин «социальная проблема», согласно Мурадие Атесу, указывает на трудности в удовлетворении основных потребностей отдельных людей и групп. Концепция социальной проблемы стала более очевидной после промышленной революции, которая привела к серьезному классовому разделению и усилению поляризации. В связи с этим многие развитые и развивающиеся страны стали уделять внимание разработке, внедрению, оценке и распространению инновационных идей для удовлетворения социальных потребностей и решения глубоких социальных проблем. В последние годы наблюдается рост интереса к концепции социальных инноваций со стороны гражданского общества, частного сектора и государственных учреждений. Как следствие, появились различные виды продуктов и услуг, новые виды сотрудничества и новые политические инструменты. В этой связи социальные инновации можно рассматривать как полезный инструмент социальной политики для правительств на местном, региональном и национальном уровнях. С учетом ускоряющейся урбанизации, города теперь должны быть спроектированы более разумно, поскольку процессы управления сложной городской жизнью требуют новых инновационных методов и решений. Мир постепенно становится цифровым во всех сферах жизни. Города, системы управления, экономика, социальная жизнь,

окружающая среда и мн. др. – все они затронуты этим трансформационным прогрессом и вовлечены в цифровые экосистемы. Последние переопределяют способы взаимодействия и создания стоимости в городах, могут оказывать значительное влияние на различные параметры качества жизни, такие как безопасность, время и удобство, здоровье, качество окружающей среды, социальные связи и гражданское участие, рабочие места и стоимость жизни. Эти параметры также являются движущими факторами умных городов и инноваций. Умные цифровые решения становятся эффективным инструментом для долгосрочной устойчивости городов и способствуют «цифровому благосостоянию» во всем мире [4].

Согласно Хлоэ Тартан, «**цифровое благосостояние**» (внутри соответствующего концепта) – понятие с многослойными контекстами и коннотациями использования. Одной из наиболее известных интерпретаций этого всё чаще встречающегося понятия являются цифровизация и цифровая онтология социальных услуг и мер социальной поддержки. Другая интерпретация термина «цифровое благосостояние» касается цифрового отражения (релевантного цифрового образа) реального благополучия людей в цифровом мире [29].

Этот концепт – цифрового благосостояния – относится к психолого-эмоциональному здоровью людей в отношении использования технологий и включает в себя управление временем в сети, качество цифрового взаимодействия и то, как на человека влияет постоянный поток информации, способен ли он противостоять негативному цифровому давлению. Цель состоит в том, чтобы найти разумный баланс между жизнью в сети и реальной жизнью (офлайн) для улучшения общего качества жизни [22].

Цифровизации социального обеспечения и государственного сектора при грамотном их задействовании обоснованно рассматривается как способ предложить более эффективное экономичное решение для удовлетворения постоянно растущих потребностей населения [19].

Согласно Джорджии ван Тоорн, Полу Хенману и Карен Солдатич, **цифровое социальное государство** представляет собой сложную исследовательскую область, поскольку оно находится на пересечении двух значительных областей социальных наук – цифровых технологий и социальной политики социальных государств, – обе из которых включают в себя широкий спектр быстро меняющихся технологий, акторов и процессов. В широком смысле цифровое социальное государство относимо к особой государственной формации, в которой широкомасштабные цифровые технологии, включая автоматизированные системы принятия решений, алгоритмы, аналитику больших данных и искусственный интеллект (ИИ), интегрированы в управление и предоставление услуг социального обеспечения государственными учреждениями, которые в некоторых случаях затем предоставляются через сложный набор подрядных поставщиков, что

учёные в области социальной политики называют смешанной экономикой благосостояния. Эти изменения происходят в целом ряде областей – от социального обеспечения, государственного и социального жилья, здравоохранения, инвалидности и услуг по защите детей до продовольственной помощи, охраны границ, правоохранительных органов и систем правосудия. В некоторых случаях они широко пересекаются с различными социотехническими системами, несмотря на кажущееся отсутствие какой-либо четкой связи. Например, биометрические системы аутентификации, удостоверяющие личность человека по определенным биологическим признакам, таким как отпечатки пальцев или черты лица, используются при распределении социальных услуг и обеспечении безопасности границ, а также позволяют добиться большей условности в социальной политике. В различных сферах социального обслуживания граждане всё чаще взаимодействуют с правительствами через цифровые платформы и мобильные приложения. Стремясь повысить доступность и эффективность предоставления услуг, цифровые государства благосостояния нацелены на существенное сокращение расходов за счет уменьшения зависимости от ручного вмешательства человека и административного труда, а также интеграции алгоритмов для автоматизации процессов принятия решений, связанных с правом на получение услуг, уровнем обслуживания и другими аспектами распределения социальных ресурсов для граждан и их домохозяйств [31, p. 508–509].

Блокчейн в обеспечении будущего социального государства: авторский концепт

Могут ли передовые технологические и регуляторные решения в рамках концептов Индустрии 4.0 и 5.0 помочь в стабилизации и удержании устойчивости трека будущего развития, эволюционирования социального государства?

Проведенное нами исследование позволяет с уверенностью положительно ответить на этот вопрос, однако принимая во внимание то, что новейшие цифровые решения могут как открывать новые позитивные возможности, так и продуцировать риски, неопределенности, усугублять имеющиеся проблемы.

Прежде всего, речь идет о задействовании технологий блокчейн, обеспечивающих прозрачность, проверяемость и подотчетность (если, конечно, речь идет об отечественных разработках, оплачиваемых «отрываемых» от разработчиков в части прав интеллектуальной собственности на такие технологии и в части постпродажного управления таковыми).

Рассмотрим вкратце, что представляет собой данная технология. Устоялось понимание блокчейна как децентрализованной, распределенной базы данных, которая надежно и прозрачно хранит информацию за счет того, что каждый блок в цепочке содержит 3 элемента данных: данные сами по себе, их

уникальный идентификатор (хэш) и уникальный идентификатор (хэш) предыдущего блока в цепочке, таким образом, каждый блок настолько связан с предыдущим, что попытка его изменения становится моментально очевидной, так как хэши больше не будут совпадать. Секция 1 Закона штата Невада (США) от мая 2017 года № NV SB398 дополнила главу 719 Пересмотренного свода законов штата Невада нормой, содержащей следующее определение: «“Блокчейн” означает электронную запись транзакций или других данных, которая: 1) унифицированно упорядочена; 2) резервированно поддерживается или обрабатывается одним или несколькими компьютерами или машинами для обеспечения согласованности или целостности (ненарушаемости) записанных транзакций или других данных; 3) проверяема (валидируема) с использованием криптографии». Будем опираться на это определение.

Потенциально возможная интеллектуализированная функциональная нагрузка блокчейн-систем в сфере обеспечения социальнойности государства может быть разложена по следующей палитре позиций:

– полноохватная дискретная фиксация потоков выплат и условий, выступающих основаниями для таких выплат; сбор, обработка и хранение высококачественных референтных данных на всех уровнях системы социального обеспечения и в целом данных об онтологии действующего социального государства на всех уровнях системы органов публичной власти, с конвертацией множеств выплачиваемых пособий в единое интегративное, рассчитываемое в отношении бенефициара (семьи бенефициаров) исходя из всех значимых обстоятельств; гарантия того, что мера социальной поддержки будет целевым образом доставлена тем, кто в ней больше всего нуждается;

– фиксация, хранение и контроль данных относительно любых и каждых государственных бюджетных расходов на реализацию социальнойности государства на всех уровнях системы социального обеспечения, с проведением замеров и оценки общей эффективности программ социальной поддержки;

– фиксация, хранение и контроль всей системы актов нормативно-правового обеспечения социальнойности государства и всех соответствующих административно-распорядительных актов на всех уровнях системы органов публичной власти (включая муниципальный уровень и случаи делегирования непублично-правовым акторам) и всех данных относительно любых и каждых изменений (в режиме текущего реального времени) в нормативно-правовом обеспечении социальнойности государства на всех уровнях системы органов публичной власти;

– цифровой учет всей полноты оказанных и оказываемых удаленно цифровых государственных и муниципальных услуг в сферах здравоохранения, социального обеспечения, образования и т. д.;

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейн) взаимодействия благотворителей

с системой социальной поддержки маргинализированных лиц и прочих нуждающихся, а также для поддержки социально ценных и значимых проектов, с технологическим контролем того, сколько при этом «прилипает денег к рукам» владельцев и функционеров благотворительных организаций; по мере фокусировки платформенной модели на потенциальных бенефициарах – социально маргинализированных лицах – запускаются мероприятия, направленные непосредственно на них;

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна, в рамках концепта распределенных финансов), стимулирующая контракты между такими платформами и пользователями и реализуемая посредством транзакций-микрорплатежей под стимулирование нуждающихся людей к систематическому взаимодействию с цифровой платформой:

• под выполнение небольших заданий (работ) на ежедневной основе – как форма оплачиваемой временной занятости для безработного на период поиска и подбора работы (осуществление этого именно на блокчейне обеспечит большую прозрачность выдачи финансовых вознаграждений и возможность отслеживания и аудита следов использования средств социального обеспечения);

• под ежедневное выполнение некоторых задач в личных интересах (например, ежедневно проверять портал социальных услуг, поддерживать в актуальном состоянии размещенные на нем данные о своем социальном обеспечении);

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна, в рамках концептов распределенных финансов и цифровых криптоактивов) реализации мер социальной поддержки гражданам, проживающим за рубежом без утраты связей с родиной (например, пенсий);

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна) контроля потоков запросов на поиск работы и предложений мест работы и управления их варьируемыми сопряжениями;

– интегрирующий синтетический свод всех данных, поступающих и собираемых со всех уровней системы социального обеспечения, для динамического формирования и корректирования государственной системы макроэкономического оперирования социальностью государства;

– интеграция цифровых технологий в систему геронтологического социального ухода за пожилыми людьми;

– цифровая платформенная опция для лиц, находящихся на грани финансового выживания, целевого мгновенного льготного микрокредитования или выплаты социальной поддержки на то, чтобы не быть выброшенными из дома и не стать бездомными за просрочку оплаты аренды и коммунальных услуг жилья или ипотеки по жилью (разумеется, до определенного уровня стоимости), а также оказания таким лицам помощи через сеть социальных магазинов продуктов питания.

Уровень развития обеспечения сетью интернет и цифровизации, объективно один из лучших в мире, существенно редуцирует риски, что все вышеописанные позиции могут остаться только на бумаге из-за «цифровой незрелости» регионов. Сегодня уже есть все необходимые и достаточные условия, чтобы начать внедрять вышеуказанные позиции амбициозного, масштабного проекта «блокчейнизации» сферы онтологии («жизни» и «жизнедеятельности», функционирования и развития) социального государства.

**Не навредить социальности государства
с цифровизацией социального государства**

Многие авторы признают, что цифровые технологии чаще всего придерживаются парадигмы контроля и наблюдения, гипертрофированно ставя во главу угла эффективность, а не нюансы социальной заботы [31]. Кроме того, цифровые решения часто трудно масштабировать для сектора социального обеспечения, и стремительное развитие цифровых технологий бросает вызов некоторым из существующих структур, предоставляя гражданам новые возможности в тех областях, где они видят потребность в чем-то, что в настоящее время не обеспечивается государством [19, р. 1]. С другой стороны, есть проблема того, что цифровые инструменты внедряются в этом секторе с минимальными публичными обсуждениями или подотчетностью [22].

Весьма важно, чтобы всё описываемое нами не превратилось в так называемый «цифровой концлагерь». Считается, что эту принудительно и идеологически-мотивированно маргинализируемую фразу активно пользует жёлтая пресса. Но это не так.

В 2019 году специальный докладчик ООН по вопросу о крайней нищете и правах человека Филипп Г. Олстон заявил: «Создание цифрового социального государства преподносится как альтруистическое и благородное предприятие, призванное обеспечить гражданам преимущества новых технологий, более эффективную работу правительства и более высокий уровень благосостояния. Однако зачастую оцифровка систем социального обеспечения сопровождается глубоким сокращением общего бюджета на социальное обеспечение, сужением круга получателей помощи, ликвидацией некоторых услуг, введением требовательных и навязчивых форм обусловленности, преследованием целей модификации поведения, введением более жёстких санкционных режимов и полным отказом от традиционного представления о том, что государство должно быть подотчётно человеку» (п. 5 доклада, с. 3); «По мере того как человечество, возможно, неумолимо, движется к цифровому социальному будущему, ему необходимо значительно и быстро изменить курс, чтобы не скатиться в зомбированную антиутопию цифрового

социального обеспечения. Это будущее будет таким, в котором: неограниченное сопоставление данных используется для выявления и наказания за малейшие нарушения в записях получателей пособий (при этом старательно избегая подобных мер в отношении обеспеченных людей); все более совершенные средства наблюдения позволяют вести круглосуточный мониторинг получателей; на получателей налагаются условия, подрывающие индивидуальную автономию и выбор в отношении сексуального и репродуктивного выбора, а также в отношении еды, алкоголя, наркотиков и многого другого; и в отношении тех, кто выходит за рамки, могут быть применены крайне жёсткие санкции» (п. 72 доклада, с. 19)¹.

В этом предостережении речь идет о значительных негативных последствиях того, что правительства по всему миру активно принимают меры по цифровизации, автоматизации и информатизации своих систем социальной защиты. Филипп Олстон высказал опасения, которые ранее уже высказывались учеными и активистами, но пока не получили широкого распространения, особенно в отношении возможного ослабления прав на неприкосновенность частной жизни, усиления слежки и резкого возрастания социального неравенства. Филипп Олстон также выразил обеспокоенность по поводу чрезмерного влияния правительства и дальнейшей маргинализации уязвимых групп населения из-за препятствий в доступе к цифровым системам и навигации по ним. Доклад стал важным выступлением, переведя дискуссию с рассуждений о далеком будущем на признание текущих обстоятельств. В нем было подчеркнута, что «цифровое государство всеобщего благосостояния либо уже стало реальностью, либо только зарождается во многих странах мира», при этом активно проявляются сопутствующие риски и неравенство [31].

И это вполне реальные опасения. Согласно Джонатану МакКалли, развитие алгоритмов прогнозирования и сложных моделей риска побудило правительства внедрять автоматизированные средства предотвращения и выявления мошенничества в сфере социального обеспечения. Одним из ярких примеров стала система SyRI в Нидерландах. Она включала в себя применение модели расчета рисков «черного ящика» к огромному количеству персональных данных, полученных из различных государственных органов, с целью предотвращения и борьбы с мошенничеством в таких областях, как социальное обеспечение, налогообложение и трудовое законодательство. Профили рисков, созданные с помощью секретной модели, использовались для выявления лиц, которые считались подверженными повышенному риску совершения мошенничества. Помимо того, что система SyRI достаточно произвольно вторгалась в личную жизнь получателей

¹ Report of the Special rapporteur on extreme poverty and human rights 11 October 2019. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Poverty/A_74_48037_AdvanceUneditedVersion.docx.

социального обеспечения, она постоянно внедрялась в более бедных и уязвимых районах. Это привело к тому, что определенные сообщества подвергались дополнительной стигматизации, стереотипизации и явно переизбыточному контролю. В 2020 году Окружной суд Гааги отменил правовую основу SyRI на базе концепции приоритета прав человека. Модели риска также используются для выявления «проблемных» семей, на которые обращают внимание службы по делам детей. В 2019 году местные советы в Великобритании обработали личные данные сотен тысяч людей для создания компьютерных моделей в попытке предсказать жестокое обращение с детьми и вмешаться до того, как это произойдет. Эти системы подверглись серьезной критике за то, что при определении точности прогнозирования жестокого обращения с детьми они полагаются на весьма субъективные показатели, такие как оценки, достаточно произвольно сделанные специалистами по работе с детьми или судами [22].

Сбоев цифровых технологий особенно много в государственном управлении именно в социальной сфере [34].

Заключение

Мигель Глатцер и Дитрих Рюшмейер обоснованно указывают, что даже если реальные перспективы успешной социальной политики в текущем периоде и в обозримом будущем не очень хороши для многих стран со средним уровнем дохода, не говоря уже об их более бедных развивающихся «коллегах», идея политически поддерживаемого и государственно-бюджетно спонсируемого социального обеспечения останется в глобальной повестке дня на неопределенное время в будущем [14]. По Бенту Гриву, государство всеобщего благосостояния останется, однако его размер, структура и способность достичь целей равенства и полной занятости, а также влияние национальных государств на благосостояние в условиях всё более глобального и регионализованного мира являются предметом дискуссий. В последние несколько лет мы стали свидетелями некоторого сокращения деятельности классического государства всеобщего благосостояния (например, выплаты доходов), но в то же время возросла роль государства всеобщего благосостояния в отношении новых социальных рисков и предоставления услуг, что означает, что государство всеобщего благосостояния преодолевает разрыв между поколениями и в большей степени соответствует подходу социальных инвестиций [15, р. 532].

Усилия по реформированию системы социального обеспечения, пишут Иэн Бегг, Фабиан Мушовель и Робин Ниблетт, сопряжены с рядом дилемм, касающихся надлежащих форм принятия решений и демократического контроля, однако есть основания с оптимизмом смотреть на будущее европейской социальной модели [5].

Джек Лоуренс Луцков обоснованно указывает на ценность коллективизма социального государства: «Общества, построенные на общих ценностях, порождают более счастливых людей, менее отчуждённых, потому что они больше не предоставлены сами себе, более готовых к сотрудничеству, потому что у них есть что-то общее со всеми остальными» [21, р. 21].

Согласно Элуа Лорану, светлое будущее социального государства, конечно, не высечено в камне, оно является результатом столетия социального прогресса и человеческого развития, завоеванного самыми развитыми обществами мира благодаря их свободе. Элуа Лоран задается сущностными вопросами и сам же уверенно и основательно отвечает на них. – Способствует ли социальная защита моральному ослаблению личности? Это неправда: это обеспечивает благополучие. Государство всеобщего благосостояния ограничивает экономический динамизм и подавляет создание богатства и инноваций своими невыносимыми издержками? Это ложь: это поощряет риск, развивает человеческие способности и поддерживает социальную сплочённость. Является ли государство всеобщего благосостояния финансово неустойчивым? Это неправда: это никогда не приводило к экономическому кризису [10, р. 20].

«Облако» накопленной за многие десятилетия мистифицированности социального государства требует от нас развеивания этого тумана мифов, неопределенностей и двусмысленностей относительно природы и онтологии социальности государства, как залог – верного и точного видения траекторий его эволюции в будущем.

Предиктивная аналитика реализуется посредством различных статистических методов, включая добычу данных, предиктивное моделирование и машинное обучение, которые анализируют текущие и исторические факты для того, чтобы делать прогнозы относительно будущих событий [27].

Проведенное авторами настоящей статьи сценарное предиктивное (прогностическое) моделирование по нескольким десяткам траекторий возможного (вплоть до возможного, но маловероятного, исключая сценарии при достижении совсем уж низкого уровня вероятности, сопоставимого с погрешностью расчетов) позволило сформулировать некоторые наши прогнозы.

1. Социальность государства как одна из основ конституционного строя и как один из базовых конституционных принципов останется вшита в онтологию государственности любого государства в мире.

2. Социальное государство в своих базовых дизайне и онтологии будет претерпевать трансформации и технологически обусловленные конвертации. При этом на всем протяжении этой достаточно интенсивной эволюции социального государства будет иметь место конфликт между цифровым выхолащиванием «духа» социальности в государственном строительстве и стремлением его всячески удержать и укрепить.

3. Цифровые решения при грамотном их задействовании существенно снизят риски злоупотреблений обращения с бюджетными средствами социального назначения и их нецелевого использования, сделают более разумно-рациональной, более чувствительно итеративно-адаптируемой государственную систему макроэкономического оперирования социальностью государства и, соответственно, масштабируемого оперирования горизонтами «макроблагосостояний» и «микроблагосостояний». При этом и сами такие цифровые технологии должны подвергнуться двойному-тройному резервированию и связыванию множественными контурами контрольно-оценочной обратной связи.

Библиографический список

1. Дегтярев М. В. Всё более усложняющаяся сложность права // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48, № 2. С. 317–325. DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325.
2. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публ. послание д-ру Эрнсту Генкелю, э.о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Иен. ун-те, Августа Шлейхера. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1864. 14 с.
3. Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B. Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare System? // *NBER Working Paper Series*. 2001. № 8524. 66 p.
4. Ates M. Social Innovation as a New Social Policy Tool for Regional Government Institutions in Smart Territories // *Handbook of Research on Smart Territories and Entrepreneurial Ecosystems for Social Innovation and Sustainable Growth*. Hershey (PA, USA): IGI Global, 2019. Pp. 53–66.
5. Begg I., Mushövel F., Niblett R. The Welfare State in Europe: Visions for Reform. Berlin: Bertelsmann Studies, 2015. 26 p.
6. Blekesaune M. Economic Conditions and Public Attitudes to Welfare Policies // *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23. № 3. Pp. 393–403.
7. Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective // *European Journal of Sociology*. 1961. Vol. 2. № 2. Pp. 221–258. DOI: 10.1017/S0003975600000412.
8. Cameron D. R. The Expansion of the Public Economy: A Comparative Analysis // *American Political Science Review*. 1978. № 72(04). Pp. 1243–1261.
9. Clasen J. J., Oorschot van W. J. H. Changing Principles in European Social Security // *European Journal of Social Security*. 2002. № 4 (2). Pp. 89–115.
10. Cusack T., Iversen T., Rehm P. Risks at Work: The Demand and Supply Sides of Government Redistribution // *Oxford Review of Economic Policy*. 2006. № 22 (3). Pp. 365–389.
11. Ervasti H., Andersen J. G., Ringdal K. Introduction // *The Future of the Welfare State: Social Policy Attitudes and Social Capital in Europe*. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2012. Pp. 1–16.
12. Esping-Andersen G. After the Golden Age: The Future of the Welfare State in the New Global

- Order. Geneva (Switzerland): United Nations Research Institute for Social Development, 1994. 35 p.
13. Giuliano P., Alesina A.F. Preferences for Redistribution // *IZA Discussion Paper*. 2009. № 4056. 40 p.
 14. Glatzer M., Rueschemeyer D. An Introduction to the Problem // *Globalization and the Future of the Welfare State*. Pittsburgh (Pennsylvania, USA): University of Pittsburgh Press, 2004. 276 p.
 15. Greve B. Future of the Welfare State? // *Routledge Handbook of the Welfare State*. New York: Routledge, 2019. Ed. 2. 2nd ed. Pp. 525–533.
 16. Greve B. Human Needs and the Welfare State. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2024. 133 p.
 17. Iversen T., Soskice D. An Asset Theory of Social Policy Preferences // *American Political Science Review*. 2001. № 95 (4). Pp. 875–893.
 18. Iversen T., Soskice D. Distribution and Redistribution: The Shadow of the Nineteenth Century // *World Politics*. 2009. № 61. Pp. 438–486.
 19. Larsson A., Teigland R. An Introduction to Digital Welfare. A Way Forward? // *Digital Transformation and Public Services: Societal Impacts in Sweden and Beyond*. London: Routledge, 2019. 378 p.
 20. Laurent E. Le bel avenir de l'Etat-Providence. Paris: Liens liberent, 2014. 160 p.
 21. Luzkow J. L. The Great Forgetting: The Past, Present and Future of Social Democracy and the Welfare State. Manchester: Manchester University Press, 2016. 227 p.
 22. McCully J. Explainer: What is the 'Digital Welfare State'? 2020. URL: <https://digitalfreedomfund.org/explainer-what-is-the-digital-welfare-state/>.
 23. Merton R. K. The Self-Fulfilling Prophecy // *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8. № 2. Pp. 193–210.
 24. Moene K. O., Wallerstein M. Inequality, Social Insurance, and Redistribution // *American Political Science Review*. 2001. № 95 (4). Pp. 859–874.
 25. Rehm P. Risk and Redistribution: An Individual-Level Analysis // *Comparative Political Studies*. 2009. № 42 (7). Pp. 855–881.
 26. Rodrik D. Why Do More Open Economies Have Larger Governments? // *Journal of Political Economy*. 1998. № 106 (5). Pp. 997–1032.
 27. Siegel E. Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2013. 338 p.
 28. Snower D. J. The Future of the Welfare State // *The Economic Journal*. 1993. Vol. 103. № 418. P. 700–717.
 29. Tartan C. C. A Blockchain-Based Welfare Distribution Model for Digital Inclusivity // *Archives*. 2023. Vol. 10. № 1. Pp. 19–44.
 30. Taylor-Gooby P. New Risks and Social Change. Oxford: Oxford University Press, 2004. 28 p.
 31. Toorn van G., Henman P., Soldatić K. Introduction to the Digital Welfare State: Contestations, Considerations and Entanglements // *Journal of Sociology*. 2024. Vol. 60. № 3. Pp. 508–509.
 32. Walter S., Maduz L. How Globalization Shapes Individual Risk Perceptions and Policy Preferences:

A Cross-National Analysis of Differences between Globalization Winners and Losers // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. № 09-0015. 43 p.

33. Wolff G. B., Hüttl P. Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State. 2015. URL: <https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state>.

34. Yeung K. The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration // Tilburg Law Review. 2022. Vol. 27. № 2. Pp. 1–32.

References

1. Degtyarev M. V. *Vse bolee uslozhnyayushchaya slozhnost' prava* [The Increasing Complexity of Law]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2023. Vol. 48. Issue 2. Pp. 317–325. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325. (In Russ.).

2. Schleicher A. *Teoriya Darvina v primenenii k nauke o yazyke* [Darwinism Tested by the Science of Language]: A public message to Dr. Ernst Haeckel, Extraordinary Professor of Zoology and Director of the Museum of Zoology at Jena University, by August Schleicher. St. Petersburg, 1864. 14 p. (In Russ.).

3. Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B. *Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare System?* NBER Working Paper Series. 2001. No. 8524. 66 p. (In Eng.).

4. Ates M. Social Innovation as a New Social Policy Tool for Regional Government Institutions in Smart Territories. *Handbook of Research on Smart Territories and Entrepreneurial Ecosystems for Social Innovation and Sustainable Growth*. Hershey (PA, USA): IGI Global, 2019. 53–66 p. (In Eng.).

5. Begg I., Mushövel F., Niblett R. *The Welfare State in Europe: Visions for Reform*. Berlin: Bertelsmann Studies, 2015. 26 p. (In Eng.).

6. Blekesaune M. Economic Conditions and Public Attitudes to Welfare Policies. *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23. Issue 3. Pp. 393–403. (In Eng.).

7. Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective. *European Journal of Sociology*. 1961. Vol. 2. Issue 2. Pp. 221–258. DOI: 10.1017/S0003975600000412. (In Eng.).

8. Cameron D. R. The Expansion of the Public Economy: A Comparative Analysis. *American Political Science Review*. 1978. Issue 72 (04). Pp. 1243–1261. (In Eng.).

9. Clasen J. J., Oorschot van W. J. H. Changing Principles in European Social Security. *European Journal of Social Security*. 2002. Issue 4 (2). Pp. 89–115. (In Eng.).

10. Cusack T., Iversen T., Rehm P. Risks at Work: The Demand and Supply Sides of Government Redistribution. *Oxford Review of Economic Policy*. 2006. Issue 22 (3). Pp. 365–389. (In Eng.).

11. Ervasti H., Andersen J. G., Ringdal K. Introduction. *The Future of the Welfare State: Social Policy*

Attitudes and Social Capital in Europe. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2012. Pp. 1–16. (In Eng.).

12. Esping-Andersen G. *After the Golden Age: The Future of the Welfare State in the New Global Order*. Geneva (Switzerland): United Nations Research Institute for Social Development, 1994. 35 p. (In Eng.).

13. Giuliano P., Alesina A. F. *Preferences for Redistribution*. IZA Discussion Paper No. 4056. 2009. 40 p. (In Eng.).

14. Glatzer M., Rueschemeyer D. An Introduction to the Problem. *Globalization and the Future of the Welfare State*. Pittsburgh (Pennsylvania, USA): University of Pittsburgh Press, 2004. 276 p. (In Eng.).

15. Greve B. Future of the Welfare State? *Routledge Handbook of the Welfare State*. New York: Routledge, 2019. 2nd ed. 525–533 p. (In Eng.).

16. Greve B. *Human Needs and the Welfare State*. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2024. 133 p. (In Eng.).

17. Iversen T., Soskice D. An Asset Theory of Social Policy Preferences. *American Political Science Review*. 2001. Issue 95 (4). Pp. 875–893. (In Eng.).

18. Iversen T., Soskice D. Distribution and Redistribution: The Shadow of the Nineteenth Century. *World Politics*. 2009. Issue 61. Pp. 438–486. (In Eng.).

19. Larsson A., Teigland R. An Introduction to Digital Welfare. A Way Forward? *Digital Transformation and Public Services: Societal Impacts in Sweden and Beyond*. London: Routledge, 2019. 378 p. (In Eng.).

20. Laurent E. *Le bel avenir de l'Etat-Providence* [The Bright Future of the Welfare State]. Paris: Liens libèrent, 2014. 160 p. (In Fr.).

21. Luzkow J. L. *The Great Forgetting: The Past, Present and Future of Social Democracy and the Welfare State*. Manchester: Manchester University Press, 2016. 227 p. (In Eng.).

22. McCully J. *Explainer: What Is the 'Digital Welfare State'?* 2020. Available at: <https://digital-freedomfund.org/explainer-what-is-the-digital-welfare-state/>. (In Eng.).

23. Merton R. K. The Self-Fulfilling Prophecy. *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8. Issue 2. Pp. 193–210. (In Eng.).

24. Moene K. O., Wallerstein M. Inequality, Social Insurance, and Redistribution. *American Political Science Review*. 2001. Issue 95 (4). Pp. 859–874. (In Eng.).

25. Rehm P. Risk and Redistribution: An Individual-Level Analysis. *Comparative Political Studies*. 2009. Issue 42 (7). Pp. 855–881. (In Eng.).

26. Rodrik D. Why Do More Open Economies Have Larger Governments? *Journal of Political Economy*. 1998. Issue 106 (5). Pp. 997–1032. (In Eng.).

27. Siegel E. *Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die*. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2013. 338 p. (In Eng.).

28. Snower D. J. The Future of the Welfare State. *The Economic Journal*. 1993. Vol. 103. Issue 418. Pp. 700–717. (In Eng.).

29. Tartan C. C. A Blockchain-Based Welfare Distribution Model for Digital Inclusivity. *Archives*. 2023. Vol. 10. Issue 1. Pp. 19–44. (In Eng.).

30. Taylor-Gooby P. *New Risks and Social Change*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 28 p. (In Eng.).

31. Toorn van G., Henman P., Soldatić K. Introduction to the Digital Welfare State: Contestations, Considerations and Entanglements. *Journal of Sociology*. 2024. Vol. 60. Issue 3. Pp. 508–509. (In Eng.).

32. Walter S., Maduz L. *How Globalization Shapes Individual Risk Perceptions and Policy Preferences*:

A Cross-National Analysis of Differences Between Globalization Winners and Losers. Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. No. 09-0015. 43 p. (In Eng.).

33. Wolff G. B., Hüttl P. *Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State*. 2015. Available at: <https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state>. (In Eng.).

34. Yeung K. The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration. *Tilburg Law Review*. 2022. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–32. (In Eng.).

Информация об авторах:

Е. В. Аристов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Пермский государственный национальный исследовательский университет 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет 614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372

И. В. Понкин

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

ORCID: 0000-0003-4438-6649
Researcher ID: D-3414-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-28-34
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-11-30
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259
DOI: 10.21508/1027-4065-2020-65-2-7-14

About the authors:

E. V. Aristov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372

I. V. Ponkin

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

ORCID: 0000-0003-4438-6649
ResearcherID: D-3414-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-28-34
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-11-30
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259
DOI: 10.21508/1027-4065-2020-65-2-7-14